

А. Грин не пропускал случая остро задеть футуристов, к которым относился более чем неприязненно. Так, в рассказе «Капитан Дюк» он пишет, что сооруженное из всякого хлама «жилище» старика Бильдера «*сильно напоминало постройки нынешних футуристов как по разнообразию материала, так и по беззастенчивости в его расположении*». А в «Тайне дома №41» говорится о выдуманном Грином издательстве «*Скальпированный футурист*».

А. С. Грин любил создавать варианты («продолжать») или писать от литературного образца. Его рассказ «Возвращение “Чайки”», с одной стороны, имеет предтечу – «Серебро Юга», с другой – сам в некоторых отношениях повторяет сюжетную схему «Челкаша» М. Горького. Но в героическом гриновском рассказе – Черняке – ощущается полемичность по отношению к горьковскому Челкашу.

Таким образом, проведенный нами анализ произведений Александра Грина показывает, что неповторимый гриновский мир, им созданный, результат не просто причудливой игры богатого воображения писателя, но и мастерского, виртуозного владения словом и широким спектром прецедентных текстов литературы и культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глотова В. В. Почему красные паруса стали алыми? / В. В. Глотова // Рус. яз. и лит. в уч. заведениях. – 2005. – №4. – С. 40-44.
2. Горшков А. И. Русская стилистика / Александр Иванович Горшков. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 367 с.
3. Грин А.С. Собрание сочинений. В 5-ти т. / Александр Степанович Грин / [Вступ. ст., сост. В. Ковского; Примеч. А. Ревякиной]. – М.: Худож. лит., 1991. – Т.1. Рассказы 1906-1912гг. – 1991. – 703 с.
4. Грин А. С. Собрание сочинений. В 5-ти т. / Александр Степанович Грин / [Сост. Л. Михайловой; Примеч. А. Ревякиной]. – М.: Худож. лит., 1991. – Т.2. Рассказы 1913-1916 гг. – М., 1991. – 655 с.
5. Грин А. С. Собрание сочинений. В 5-ти т. / Александр Степанович Грин / [Сост. В. Россельса; Примеч. А. Ревякиной, Ю. Первой]. – М.: Худож. лит., 1991. – Т.3. Рассказы (1917-1930гг.); Стихотворения; Поэма. – М., 1991. – 734 с.
6. Мамонов В. А. Практическая стилистика современного русского языка / В. А. Мамонов, Д.Э. Розенталь. – М.: Искусство, 1957. – 176 с.
7. Михайлова А. Александр Грин. Жизнь, личность, творчество / А. Михайлова. – М.: Наука, 1980. – 216 с.

УДК 811.161.1 '42

А. В. Лукьянова

ДОМИНИРУЮЩЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Лук'янова Г.В.

ДОМІНУЮЧІ МОТИВИ У РОМАНІ Ф.М. ДОСТОЄВСЬКОГО «ПРИНИЖЕНІ І ЗНЕВАЖЕНІ»

У статті аналізується функціонування домінуючих мотивів роману Ф.М. Достоевського «Принижені і зневажені» як цілісних систем. Зазначається, що в межах цих систем розгортаються асоціативні ряди слів та образів, які наповнюють їх семантичні поля. Герої роману об'єднуються й протиставляються за мотивами принижених і зневажених, любові і егоїзму, святості і жорстокості, що пронизують усю образну структуру роману. Названі мотиви представлені у творі у різних мовно-композиційних формах викладу, в дискурсах героїв, реалізовані подібним лексико-образним матеріалом.

Ключові слова: оповідач, мотив, дискурс, мовно-композиційні форми, семантичне поле.

Лукьянова А.В.

ДОМИНИРУЮЩИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

В статье анализируется функционирование доминирующих мотивов в романе Ф. М. Достоевского как целостных систем. Отмечается, что в пределах этих систем разворачиваются ассоциативные ряды слов и образов, наполняющих их семантические поля. Герои романа объединяются и противопоставляются мотивами униженных и оскорбленных, любви и эгоизма, святости и жестокосердия, пронизывающими весь образный строй романа, представленными в различных композиционно-речевых формах изложения, в дискурсах героев и реализованными сходным лексико-образным материалом.

Ключевые слова: повествователь, мотив, дискурс, композиционно-речевые формы, семанти-

Lukyanova G.V

DOMINATING MOTIVES IN DOSTOEVSKIY'S NOVEL 'THE INSULTED AND HUMILIATED'

The research of the dominating motives as the integral systems is carried out on the article. Within the bounds of these systems associative rows of words and images are functioning. Characters of the novel are united and contracted by the motives of insulted and humiliated, love and egoism, holiness and cruelty coming through the structure of the novel. These motives are found in different compositional speech forms, in characters' speech and are realized by the similar lexical imaginative material.

Key words: narrator, motive, discourse, compositional speech forms, semantic field.

Постановка проблемы. Для более адекватного понимания своеобразия стилистической структуры произведений Достоевского целесообразным является рассмотрение представленных в них доминирующих мотивов и средств их создания. В научной литературе неоднократно отмечалось, что Достоевский «чрезвычайно лейтмотивный художник» (Р. Я. Клейман); нити сквозных мотивов, нашедших воплощение в ранних произведениях писателя, тянутся к более поздним, зрелым работам. Эта особенность поэтической системы Достоевского была отмечена еще Добролюбовым в статье «Забитые люди»; Л.П. Гроссман называл «возвращающиеся образы и повторяющиеся ситуации» основой повествовательного искусства Достоевского. Первый большой роман писателя «Униженные и оскорбленные» до настоящего времени не являлся объектом всестороннего лингвостилистического анализа. Между тем сложная стилистико-речевая организация этого произведения, взаимосвязь целого комплекса повторяющихся мотивов, образов, сюжетных ситуаций, их сцеплений определяет структурно-стилистическое и сюжетно-композиционное своеобразие исследуемого романа.

Анализ актуальных исследований. Сквозные мотивы в творчестве Достоевского рассматривались исследователями в основном в зрелых произведениях писателя. Так, Н.А. Кожевникова анализирует сквозные слова в романе «Преступление и наказание» [5]; работы Ю.Н. Караулова [3], Е.Н. Гинзбург [1] затрагивают отдельные аспекты изучения лексических единиц и их ассоциативных полей, являющихся характеристическими для речи Достоевского.

Цель работы. Целью данной статьи является выделение и описание доминирующих мотивов в романе «Униженные и оскорбленные», особенностей их взаимодействия и анализ языковых средств их создания.

В рассмотрении понятия мотива мы опираемся на тематический подход к изучению данного вопроса [6, с. 71]. Мотив рассматривается как развитие, расширение и углубление основной темы. Развитие повествования осуществляется посредством многообразного повторения мотива униженных и оскорбленных, а также его преобра-

зований, сочетаний с другими мотивами, введения контрастных мотивов.

Изложение основного материала. Тема униженных и оскорбленных, обозначенная уже в названии романа, проходит через все произведение Достоевского, пронизывая его образный строй, являясь источником сложнейшего переплетения характеров и судеб персонажей. Образ рассказчика – литератора Ивана Петровича является своеобразным центром, объединяющим образы персонажей романа. Прежде всего это относится к героям, ставшим жертвой неблагоприятных человеческих и социальных отношений. Мотив униженных и оскорбленных в широком плане возникает во вступительной и чрезвычайно важной главе романа. Субъективная оценка рассказчика просвечивает в эмоционально-оценочных определениях с семантикой подавленности, обреченности, характеризующих нищего старика Смита. Ср.: «...поднялся со стула и с какой-то жалкой улыбкой – униженной улыбкой бедняка приготовился выйти из комнаты». Крайняя степень обреченности видится и в предложении: «В этой смиренной, покорной торопливости бедного, дряхлого старика было столько взывающего на жалость, столько такого, отчего иногда сердце точно перевертывается в груди...» [2, с. 174]. В дальнейшем текст цитируется по этому изданию.

В речи рассказчика глаголы семантической сферы гибели, смерти характеризуют действия и состояния действующих лиц. Для этого используется переносное значение этих глаголов. Так, Иван Петрович говорит Наташе, только что покинувшей родителей: «Ведь ты их *убьешь* и себя *погубишь*» [2, с. 196], «А то ведь ты совсем себя теперь *губишь*, совсем» [2, с. 197].

Мотив гибели и смерти связывает разные сцены и разных персонажей романа. Прежде всего это те, кто унижен, оскорблен – старик Смит, Ихменев, Наташа, Нелли, мать Нелли. Весьма экспрессивно описание эпизода смерти Смита: простые по структуре предложения повествующей речи рассказчика содержат слово *мертвый* в составе сравнительного оборота и в составе именного сказуемого: «Старик не двигался. Я взял его руку; рука упала, как мертвая. Я взглянул ему в лицо, дотронулся до него – он был уже мерт-

вый» [2, с. 176].

Воплощением мотива униженных и оскорбленных служит образ маленькой нищей, просящей на одной из сырых улиц Петербурга. Этот образ-символ глубинными эмоциональными нитями связан с общей динамикой сюжета – проходит через весь роман, приобретая новое семантическое наполнение. Вначале на передний план выходит фиксация деталей одежды и внешнего вида девочки: «*маленькая худенькая девочка, одетая в грязные отрепья*», «*дырявые башмаки*», «*дрожащее от холоду тельце*», «*тощее, бледное и болезненное ее личико*», «*дрожащая ручонка*», «*ее одежда – ветхое подобие крошечного капота*» [2, с. 212]. Устойчивое, повторяющееся начало с привлечением перекликающихся лексических средств усматривается и в описании Нелли, впервые появившейся в поле зрения Ивана Петровича. Всплывают схожие экспрессивно насыщенные детали зрительного характера: девочка «*маленького роста, худая, бледная*», «*старый, дырявый платок, которым прикрывала свою, еще дрожавшую от вечернего холода, грудь*», «*одежда – рубище*» [2, с. 209]. Как элемент нарастания, углубления данного мотива даются ощущения Ивана Петровича от увиденной им сцены – Нелли, просящая милостыню. Речевые краски содержат эмоционально-выразительный момент и передают авторское отношение к изображаемому: «*Мучительно сжалось мое сердце; как будто что-то дорогое, что я любил, делеял и миловал, было опозорено и оплевано передо мной в эту минуту...*» [2, с. 385].

Униженные, страдающие персонажи романа связаны сквозной характеристикой – *бледный и больной*, обнаруживаемой чаще всего в речи рассказчика, а также отраженной в речи других персонажей романа. Ср. высказывания Ивана Петровича о Наташе: «*Лицо ее было бледно, с болезненным выражением*» [2, с. 226], «*Я поражен был болезненной худобой и чрезвычайной бледностью ее лица*» [2, с. 301]. Подобные сочетания содержатся в характеристике рассказчиком Нелли: «*Бледное и худое ее лицо имело какой-то ненатуральный смугло-желтый, желчный оттенок*» [2, с. 254]. Рассказчик о старике Ихмене: «*Старик был поражен и побледнел. Болезненное ощущение выразилось в лице его*» [2, с. 383]. Сходную характеристику можно встретить в речи других персонажей, так Николай Сергееч говорит о Иване Петровиче: «*..какой ты бледный, да ты весь больной*» [2, с. 293].

Мотив униженных и оскорбленных расширяется и углубляется в связи с мотивом любви. Герои романа любят не того, с кем было бы хорошо и счастливо, а того, кто принесет мучение и гибель. Поэтому любовь в романе – это любовь-мучение, любовь-сострадание, любовь-самопожертвование. Этим обусловлено появление в тексте слов семантической группы *страдание* и слов, связан-

ных с данной группой ассоциативными отношениями: *мучение, мука, жертва, самопожертвование*. Мотив также получает отражение в речи разных персонажей. Наташа говорит Ивану Петровичу: «*Надо выстрадать свое счастье; купить его новыми муками, страданием все очищается*» [2, с. 230], о прочитанных стихах – «*Какие это мучительные стихи*» [2, с. 227]. Рассказчик о Алеше: «*..а между тем он все-таки любил ее. Он любил ее как-то с мучением*» [2, с. 224].

Тема эгоизма интенсивно развивается благодаря параллелизму сюжетных линий: князь Валковский обманывает и бросает дочь Смита, мать Нелли; так же поступает сын его Алеша, бросивший Наташу ради Кати. Как показала Н.А. Кожевникова, рассматривая характер тропов Достоевского, «*формулы Достоевского передают существенные характеристики людей и состояний*» [5, с. 146]. Впервые прямая характеристика князя Валковского как эгоиста обнаруживается в коллективной точке зрения мещанской среды в отношении князя. Характеристика содержит существительное *эгоист*: «*... как можно было про такого дорогого, милейшего человека говорить, что он гордый, спесивый сухой эгоист, о чем в один голос кричали все соседи?*» [2, с. 180]. Та же прямая характеристика Алеши как эгоиста, но другого типа – *нерассуждающего, непосредственного дана* через восприятие рассказчика. Реплики его включают существительное *эгоизм* и однокоренные. Ср.: «*Даже самый эгоизм был в нем как-то привлекателен, и именно потому, может быть, что был откровенен, а не скрыт*» [2, с. 202], «*Бедная Наташа! Каково было ей утешать этого мальчика..., выслушивать признание и выдумать ему, наивному эгоисту, для спокойствия его, сказку о скором браке*» [2, с. 390].

Разные персонажи дают оценку князю Валковскому, одна из его устойчивых характеристик – *жестокость и злоба* и однокоренные. Ср. реплики Анны Андреевны о князе: «*..всем известно: жестокосердая, жадная душа*» [1, 280]; «*подобное о Алеше «Бесхарактерный он... бесхарактерный мальчишка, бесхарактерный и жестокосердый*» [2, с. 216]; «*об отце и сыне Валковских «Злодеи жестокосердые!*» [2, с. 216].

Слова семантической группы *удовольствие, наслаждение* обнаруживаются в логической-доказательной речи самого князя и служат устойчивой его характеристикой, сопровождая высказывания Валковского об излюбленном его занятии – внезапно унизить человека, доверившегося ему: «*...и одно из самых пикантных наслаждений всегда было прикинуться сначала самому на этот лад, ..ободрить какого-нибудь вечно юного Шиллера, а потом вдруг сразу огорошить его...*» [2, с. 360], «*есть особое сладострастие в этом внезапном срыве маски, в этом цинизме...*» [2, с. 362]; «*Вот часть-то этого самого удоволь-*

ствия и можно находить, внезапно огорошив какого-нибудь Шиллера...» [2, с.363]; «Но самое сильное, самое пронзительное и потрясающее в этом наслаждении была его таинственность и наглость обмана» [2, с.364].

Некоторые сюжетные ситуации и мотивы преломляются через сознание и оценку разных персонажей, многократно отражаются в тексте романа. Так, развитие мотива эгоизма, жестокосердия обнаруживается в повествовании Нелли о человеке, бросившем ее мать. При этом употребляются нейтральные в стилистическом отношении глаголы: «Мамаша уехала с другим от дедушки, а тот ее и оставил» [2, с. 299]. В репликах старика Ихменева мотив углубляется, глаголы конкретного действия получают дополнительную экспрессивную окраску: «Она уехала с ним от отца и передала отцовские деньги любовнику; а тот выманил их у нее обманом, завез за границу, обокрал и бросил ее» [2, с.409]. Тот же эпизод получает отражение в речи Маслобоева. Глаголы конкретного действия в метафорическом преломлении употребляются в его репликах: «...он способен был ее обмануть и бросить, ее ангел превратился в грязь, оплевал и унизил ее» [2, с. 437].

В качестве средств иронической характеристики привлекаются стилистически сниженные глаголы, подчеркивающие всю эгоистичность, циничность, жестокость действий князя. Подобные стилистические средства содержат реплики Маслобоева: «...там он и сманил одну дочь у одного отца, да и увез с собой в Париж... Вот князь его и надул.. Надул вполне и деньги с него взял... Только князь-то и подлез к дочери, да так подлез, что она влюбилась в него как сумасшедшая.» [2, с.336].

Параллельно рассмотренным развивается в романе мотив прощения, единения, который оказывается тесно связанным с мотивом праведничества, милосердия. Впервые этот мотив возникает в рассуждающей речи Николая Сергеича Ихменева, содержащей отголоски библейских истин: «...самый забитый, последний человек есть тоже человек и называется брат мой» [2, с.189].

Мотивом примирения связаны образы маленькой Нелли, старика Смита и князя Валковского, с одной стороны, с другой- образы Наташи Ихменевой и ее отца. Мотив прощения, примирения связывает речь рассказчика и персонажей. Глагол *простить* и его формы содержат реплики Нелли о старике Ихменеве: «Он свою дочь простить не хочет» [2, с.295]; о старике Смите «Он был злой и ее не прощал, как вчерашний злой старик» [2, с.298]; в репликах Наташи о стариках-родителях «...простить меня уж нельзя теперь; они простят, бог не простит» [2, с.202], о Алеше «Я ужасно любила его прощать, Ваня» [2, с.401]. Рассказчик говорит о Наташе: «Нет, для этого прекрасного создания было какое-то бесконечное наслаж-

дение прощать и миловать; как будто в самом процессе прощения Алеси она находила какую-то особенную, утонченную прелесть» [2, с.225].

В объединении планов данных персонажей немаловажную роль играют рассуждения рассказчика о необходимости примирения отца с дочерью, в которые включается слово *спасение*, связанное со словами рассматриваемого ряда ассоциативными отношениями. Ср.: «Я не знал, как выйду из их дома, но знал что мне во что бы то ни стало надо выйти с прощением и примирением» [2, 407], «Нелли, ангел, - сказал я.- хочешь ли ты быть нашим спасением? Хочешь ли спасти всех нас?» [2, с.406]

Мотив прощения, единения, развиваясь, становится в романе многозначным. Реплика рассказчика о Нелли, сыгравшей главную роль в примирении Наташи со своим отцом, содержит слово *непримиренная*: «...Но Нелли не исполнила завещания: она знала все, но не пошла к князю и умерла непримиренная» [2, с.442].

В заключительных сценах романа мотив примирения тонко сплетается с мотивом обновления, этому способствуют пейзажные вкрапления, искусно разбросанные по тексту романа и создающие в совокупности сквозной мотив обновления и перемен. Ср.: «Находила туча. Все последнее время погода стояла жаркая и душная, но теперь послышался где-то далеко первый, ранний весенний гром. Ветер пронесся по пыльным улицам» [2, с. 407]. Для последующих пейзажных зарисовок характерно градационное расположение предикативных единиц, что усиливает эффект приближающихся перемен. Пейзаж все теснее сплетается с действием. Ср.: «...надвигалась черная туча, и вновь послышался отдаленный раскат грома» [2, с. 408], «В эту минуту раздался довольно сильный удар грома, и дождь крупным ливнем застучал в стекло; в комнате стемнело. Старушка словно испугалась и перекрестилась. Мы все вдруг остановились» [2, с.414]. Предсказание обновления несет и символическая деталь- капли дождя в волосах Наташи: «...и на разбившихся густых прядях ее волос сверкали крупные капли дождя» [2, с.420].

Пейзажные вкрапления, данные вначале через тонкое субъективное восприятие рассказчика, преломляются затем через призму сознания Николая Сергеича Ихменева, речь которого пронизана мотивами единения униженных и оскорбленных и отчуждения виновников зла.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, отдельные мотивы в романе Достоевского оказываются целостными системами, в пределах которых своеобразно разворачиваются ассоциативные ряды слов и образов, наполняющих их семантические поля. Посредством сквозных мотивов объединяются пересекаются, контрастируют планы разных персона-

жей, устанавливаются точки соприкосновения между персонажами романа. Результаты данной работы намечают перспективы стилистических особенностей построения образов персонажей в романе «Униженные и оскорбленные», что является задачей нашего дальнейшего лингвистического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Е.Л. Идиоглосса: к вопросу выразительности контекста. Слово Достоевского / Е.Л. Гинзбург. – М.: Азбуковник, 2001, С.325-353.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание со-

чинений. / Ф.М. Достоевский. – Т.3.- М.Л.: Наука, 1972.

3. Караулов Ю.Н. Понятие идиоглоссы и словарь Достоевского / Ю.Н. Караулов. // Слово Достоевского. – М.: Азбуковник, 2001, С.424-439.

4. Клейман Р.Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко- литературной перспективе / Р.Я. Клейман. – Кишинев, 1985.

5. Кожевникова Н.А. Сквозные слова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Н.А. Кожевникова. – М.: Азбуковник, 2001.

6. Томашевский Б.В. Поэтика: Краткий курс Б.В. Томашевский. – М., 1996.

УДК 811.161.1'42

О.Л. Пащенко

КАТЕГОРИИ ТЕКСТА КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИКИ

Пащенко О.Л.

КАТЕГОРІЇ ТЕКСТА ЯК ПРЕДМЕТ ЛІНГВІСТИКИ

У статті розглянуті традиційні та сучасні підходи до виділення та опису основних категорій тексту, зокрема, когнітивний погляд на текст та його категорії. Розглянуті такі категорії, як когезія, когерентність, структурованість, інформативність. Особлива увага спрямована на опис інтенціональності як провідної категорії, що визначає основні текстові характеристики.

Ключові слова: когезія, когерентність, структурованість, інформативність, інтенціональність

Пащенко О.Л.

КАТЕГОРИИ ТЕКСТА КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассмотрены традиционные и современные подходы к выделению и описанию основных категорий текста, в частности, когнитивный взгляд на текст и его категории. Рассмотрены такие категории, как когезия, когерентность, структурированность, информативность. Особое внимание уделено описанию интенциональности как ведущей категории, определяющей основные текстовые характеристики.

Ключевые слова: когезия, когерентность, структурированность, информативность, интенциональность

Pashchenko O.L.

TEXT CATEGORIES AS THE LINGUISTICS SUBJECT

The article is devoted to the traditional and modern approaches to distinguishing and description of the main text categories including cognitive view at text and its categories. Such categories as cohesion, coherence, structuring, informativity are considered. Special attention is paid to the description of intentionality as the leading category that determines the main text characteristics.

Key words: cohesion, coherence, structuring, informativity, intentionality

В современной лингвистической литературе можно встретить различные определения лингвистики текста. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» лингвистика текста трактуется как «направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам» [4, с. 267]. Определение в словаре лингвистических терминов Х. Бусманн: «Лингвистика текста — языковедческая дисциплина, занимающаяся анализом языко-

вых закономерностей, которые выходят за рамки одного предложения, она имеет своей целью определить конститутивные признаки текста как единицы языка и тем самым заложить основы теории текста» [12, с. 779]. Или в словаре Метцлера она определяется как «языковедческая дисциплина, которая исследует структурные свойства текстов, условия их производства и взаимосвязанности, их языковой вариативности и обработки» [15, с. 637].

Суть всех приведенных выше определений лингвистики текста сводится к выделению внутри лингвистики (языковедения, языкознания) отдель-